

Рам Ларсин

**Сад
взрывающихся
яблок**

Рам Ларсин Сад взрывающихся яблок (сборник)

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21375767

Р. Ларсин. Сад взрывающихся яблок / [Сборник]: Книга-Сефер;

Израиль; 2016

ISBN 978-965-7288-18-5

Аннотация

В своей новой книге израильский прозаик Рам Ларсин объединил две повести. Первая – по которой названа книга – о молодых израильтянах. Они взрослеют, любят, воюют... Они живут в прекрасной стране, но только яблоко порой может взорваться в руках... Вторая повесть связана со страной, которую автор покинул много лет назад, но не утратил с ней духовной и творческой связи. Превосходная проза, занимательный сюжет, жизнь героев, в которой всегда есть место и приключениям и мистическим событиям не оставит равнодушным читателя.

Содержание

Сад взрывающихся яблок	5
Кто мы, откуда мы, куда идем...	48
Глава 1	49
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Рам Ларсин
Сад взрывающихся яблок
Сборник

© Рам Ларсин, 2016

* * *

Сад взрывающихся яблок

Дождь, широкий и мощный, полгода обходивший этот иссушенный край, внезапно хлынул с неба, и когда за тучами погас последний луч солнца, лицо Нины продолжало светиться каким-то таинственным сиянием – так по ночам, прикасаясь к ее телу, я думал, что оно излучает собственный теплый свет.

– Кончилось это страшное лето! – В ее глазах были слезы или капли, брызжущие через открытое окно. – Какое счастье!

И я не решился сказать ей о письме, которое получил сегодня, не мог омрачить этот ее радостный порыв, потому что она была моим солнцем, и она была моим дождем...

Я вспомнил это темной глухой ночью, ворочаясь без сна на жесткой казарменной койке. Нина побледнела, узнав, наконец, о повестке в армию. Должно быть, в мыслях ее возник образ моего отца, погибшего в стычке с чеченцами: для Нины они ничем не отличались от тех, что подстерегали меня здесь.

Ее страх невольно передался мне, я накричал на нее, а потом извинялся долго и основательно – благо было чем. И сейчас, засыпая, я думал о ее губах, груди, бедрах и о том, как странно говорят о ночи – глухая...

Отряд подняли с первыми всполохами зари, но Шло-

мо, тощий йеменец с кипой на кудрявой голове уже ждал нас, держа закопченный кофейник над маленьким зыбким костром. Так исполнял он свою ежедневную мицву перед людьми и Богом, который, наверно, воздаст ему за этот ароматный глоток кофе холодным утром.

Появился самал, черный, полуголый, казавшийся в тусклом свете фонаря сбитым из простых геометрических фигур – круглая голова, треугольный нос, квадратные плечи. Окинув всех снулым еще взглядом, он произнес как заклинание:

– Авиноам!

– Мефакед? – вышел вперед рабат, грузный, приземистый и всегда хитро улыбающийся.

– Я вижу, без меня к нам новенького определили.

– Вчера прибыл. Парень исправный. Не то, что некоторые. Верно, Иоси?

– Иоси, Иосале! – повторяли на разные лады солдаты.

Я уже знал, что у нас, как во всякой уважающей себя части, есть мишень для грубого мужского юмора – рыжий малый с жалкой сморщенной физиономией еврея из штетла.

– Отставить это! – прервал общее веселье самал. Изящным жестом, какой трудно было ожидать от его тяжелой руки, он принял чашечку, пригубил и застонал, разнежась. Это, должно быть, придало ему силу воли взглянуть на меня:

– Имя?

Моя скрежещущая ашкеназийская фамилия произвела на него сильное впечатление. Он усмехнулся:

– Рабат, ну как ты будешь звать нового бойца?

Еле вырвав из себя первые звуки, Авиноам к концу стал задыхаться, чем привел начальство в отличное расположение духа. Глаза его снова обратились ко мне:

– Хуялта?

На это раз сконфузился я. Стоящий рядом Иоси подсказал:

– От ивритского “хаял”, в смысле полностью ли ты экипирован.

– Да, мефакед!

– Хорошо, Жреб-кор-ски, – тоже не без труда произнес самал, вызвав сочувственный смех подчиненных.

– Молчать! Вы лучше представьте себе, как звучат для русского ваши собственные фамилии: Эльбас, Молхо, Кадური, – командир исчез за дверью, очевидно, чтобы одеться, но, и невидимый, продолжал журить своих солдат, – Зилха, Элиа, Марьюма! Жалкая деревенщина, вы не способны понять культурного человека, как это, има шело – Жебер – Чебер, – он запнулся и вдруг мы услышали его громоподобный хохот, охотно поддержанный с этой стороны. Наконец, самал предстал перед нами, и я не узнал его. Затянутый под самую селезенку выдавшим виды ремнем, холодно блестя безволосым черепом и вбитой, казалось, в мощную грудь планкой боевых наград, он был готов к любым передрагам, и голос его не предвещал ничего хорошего:

– Через полчаса выступаем. Сейчас – в столовую, пятна-

дцать минут на завтрак. Напоминаю: из строя не выходить.

– Можно, я пойду с тобой? – робко попросил Иоси. – Ребята все время пристают.

– А ты бы послал их подальше!

Тот махнул рукой:

– Не ведают, что творят, – и добавил на идиш. – Капойре!

Наш путь лежал мимо густых рядов фруктовых деревьев, меж которых сновали люди в белых куфиях. Следя за их ловкими движениями, мой новый товарищ сообщил:

– Граница проходит дальше, за холмами, но палестинцам разрешается обрабатывать их бывшие земли.

Я заметил:

– Чисто израильский парадокс!

Крепкий смуглый араб, несший плетеную корзину с яблоками, должно быть, понял эти слова и повел в нашу сторону острый неприязненный взгляд.

– Исмаил! – позвали его из глубины сада, и он исчез.

Тут из-за низких облаков вырвалось солнце, ярко осветив иосины красноватые волосы и почти такого же цвета плоды среди мягкой сияющей зелени. Вчера, в первый день моей службы было пасмурно, и я не мог оценить всю эту красоту.

– Чудесно, а? – улыбнулся Иоси.

Я сдержанно кивнул. Мне хотелось просто молчать и впитывать в себя пахнущий цветами воздух и давно забытую тишину.

Но Иоси был говорун:

– Знаешь, как-то в детстве родители повели меня на кукольный спектакль Образцова о первых людях. Помню, когда Ева протянула Адаму яблоко (некоторые считают, что это был апельсин), оно упало, лопнуло и из него посыпалась какая-то труха.

Моему терпению пришел конец.

– Послушай, ты никогда не делаешь пауз? Ведь это грубое нарушение драматургических правил!

Он сжался весь, увял.

– Извини... уже кончаю, – и продолжал несчастным голосом, – я, семилетний мальчик, был так разочарован, что и сейчас, когда вижу на деревьях апельсины или яблоки, мне представляется, что они бутафорские, потому что слишком красивы.

Наконец иосин крохотный рот перестал судорожно, как в мультфильме, сокращаться. Мы молча шли, чужие и замкнутые. Мне вдруг стало неловко, что я отношусь к нему не лучше, чем вся наша братия. Я-то сознавал, что передо мной необычная, сложная натура, и вместе нам будет легче пройти однообразную службу, но его жалкость, неуважение к самому себе отталкивали. И все же я сказал, тронув его поникшее плечо:

– Что ж, давай проверим. Может быть, это действительно камуфляж.

Я потянулся к спелому, нежно округлому, чуть ли не поженски манящему плоду.

– Жеребчинский! – послышался сзади бдительный окрик самала, и хотя он, наконец, правильно выговорил мою фамилию, солдатам это по-прежнему показалось смешным, и Иоси тоже. Внезапно яблоко, облюбванное мной, взорвалось так театрально, невсамделишно, как, наверное, на иосином кукольном представлении. Но жгучая боль, пронзившая меня, и кровь на лбу и груди были настоящие. Алые капли соединялись в быструю упругую струю, которую я не мог остановить. В помутневшем сознании билась острая мысль: это она, это сама жизнь оставляет меня...

Вокруг были выстрелы, крики, дым. Падая, я увидел Иоси – он все еще продолжал смеяться, но как-то странно: все лицо его дергалось, губы корчились, а пальцы беспомощно хватали воздух. Потом он рухнул рядом со мной.

– Ты ранен? – пытался спросить я, он прошептал что-то, и я понял, что это всепрощающее... Капойре!

– Нет! – беззвучно, всем своим гибнувшим существом закричал я, и с тех пор эхо этого слова не умолкало во мне.

– Нет! – мое жестокое страдание не прощало ничего и никому: ни своей несчастной галутской судьбе, наделившей меня вечным, вездесущим врагом, ни рыжему Иоси, из-за которого, так думалось мне, я был ранен, ни даже Нине, единственно родному человеку на свете – это она потянула меня сюда, в страну взрывающихся яблок...

Но меньше всего заслуживали прощения врачи в госпитале, упорно трудившиеся над тем, чтобы извлечь из моей го-

ловы маленький осколок гранаты – таков был их диагноз. Не добившись ничего на первой операции, они снова принялись за мой несчастный мозг, и он содрогался от каждого прикосновения иглы или скальпеля. Боже мой, Нина предупреждала их, что у меня врожденная нечувствительность к наркозу, а они объясняли все моим слишком богатым воображением. Но в тот, второй раз, на вершине моей муки было мгновение, когда я понял, что умру сейчас и здесь, на операционном столе. И тогда – так, наверное, бывает перед смертью – мне открылась истина: хирурги... ох как больно... ищут кусочек металла... а на самом деле... господи, где взять силы... там просто... косточка... хватит, прекратите!.. от разорвавшегося яблока...

Они, должно быть, тоже признали свою ошибку, потому что внезапно оставили меня в покое.

И избыток наркоза в моем теле оградил меня от действительности...

Ах, этот сладкий покой, не нарушаемый никакими звуками, болью, ежедневными волнениями – он как тихая глубокая река нес меня куда-то, а вдали, словно на другом берегу, появлялись смутные образы, я узнал потом, что приходили друзья по студии и солдаты из части, а дальше, где течение бурлило, пенилось, мне чудилось... нет, не может быть... и все же... это был он, отец, который погиб от чеченской пули на переправе через горную речку, «Папа!» – замирая, крикнул я, но сестры разбудили меня к завтраку, я быстро про-

глотил еду и снова нырнул под одеяло, так в детстве мне удавалось досмотреть ускользнувший сон, и сейчас я так же лежал неподвижно, укрывшись с головой, но все было напрасно, как вдруг я опять увидел отца вместе с нашей маленькой семьей, мама играла ноктюрн Шопена до диэз минор, а отец, не зная ни одной ноты, преображался и забывал обо всем, и оба они вздрагивали, когда клавиша западала, и отец обещал позвать настройщика, но не успел, потому что его призывали в армию, а мама ждала его и каждый вечер играла этот ноктюрн, пам-пам-пам с западающей клавишей, и дедушка, живший вместе с нами, требовал починить инструмент, а мама говорила, что это должен сделать отец, и дед тайком позвал кого-то, после чего фортепиано звучало прекрасно, но мама никогда больше не подходила к нему...

– Марк, хватит спать! – тормозила меня Нина. – Скоро врачебный обход.

Меня окружил ареопаг врачей, которые осматривали рану, изучали снимки, констатируя, что мое здоровье улучшается и что теперь нужно довериться матушке природе – ходить, дышать свежим воздухом и снова ходить. И я ходил под бдительным присмотром Нины, но быстро уставал и садился на скамью.

Стояла прекрасная весенняя погода, и все, кто мог, спешили вырваться из серых унылых стен на волю, под теплые лучи солнца. Вот бледная девушка, прислонясь к одинокой, как она сама, сосне, читает старую пожелтевшую кни-

гу и украдкой вытирает влажные глаза. Поодаль за столиком несколько крепких мужчин играют в шешбеш, негромко ругаясь по-арабски. А сбоку, усевшись в удобных шезлонгах, два высоколобых старика решают проблемы, которые не успели решить за долгую жизнь.

– Трудно представить, – слышу я одного из них, – что спонтанные бездумные силы эволюции могли создать такое совершенное существо, как человек, – он понизил голос, когда мимо проходила Нина, – особенно женщину. Что вы думаете об этом, профессор?

– Что ж, насчет красоты должен согласиться с вами, хотя это вещь субъективная. Например, крокодил, умея говорить, сказал бы то же самое о своих самках. Но по поводу совершенства буду спорить. Ибо что это такое? Максимальное приспособление живого организма к постоянно изменяющимся условиям природы с единственной целью – продолжение рода. С этой точки зрения тот же крокодилес даст фору любому homo sapiens, так как живет не изменяясь сто миллионов лет. То есть он уже с самого начала был приспособлен ко всем будущим изменениям природы. Это ли не самое похвальное, что можно сказать о животном?

– Господи, но ведь ему полностью чуждо главное – стремление к творчеству!

– А зачем оно крокодилу? Ему и так хорошо – все сто лет, которые он живет. Между тем для Бетховена музыка была ежедневным изнурительным способом выжить!

Его собеседник задумался, пораженный. Меня тоже удивила эта мысль, хотя приходилось напрягать все свое знание иврита, чтобы следить за рассуждениями профессора.

Но Нину волновало другое. Неподалеку, у цветочной клумбы, увядшей за зиму, расположились трое – женщина, мужчина с перевязанным плечом и девочка, очевидно, их дочь, беленькая, с большим бантом на кудрявой голове, словно из мультфильма.

– Вот выздоровеешь, – нинин голос дрогнул, – и мы тоже заведем такого ангелочка, а?

Внезапно девочка заплакала, мать, успокаивая ее, вынула из сумки и протянула ей что-то круглое, красное. От волнения я не сразу вспомнил, как это называется. Мне стало нехорошо. Весь дрожа, я кинулся к ним и выхватил этот страшный гибельный плод. Тут силы оставили меня, глаза застлал туман. На мгновение мне показалось, что я стою среди широкого яблоневого сада, зная, что сейчас все взорвется к чертовой матери...

– Марк! – донесся ко мне спасительный крик.

Туман стал расходиться, пальцы мои, державшие яблоко, вдруг ощутили, какое оно гладкое, нежное – и, казалось, совершенно без моей воли положили его перед испуганной девочкой.

– Прости, маленькая! – пробормотал я.

Нина, тоже извинившись перед всеми, потянула меня в палату, уложила в постель и села рядом.

Мы молчали.

– Скажи, – наконец, спросил я отчаянии, – что со мной?
А она все гладила мои холодные руки. Потом опомнилась:
– У нас гости.

Я увидел на пороге странного человека. Поколебавшись, он стал медленно приближаться – рыжий, низкорослый увалень, чья физиономия напоминала окорок, с которого резали мясо для шуармы.

– Марк!

– Иоси! – ахнул я.

Мы обнялись. Он несмело прикоснулся к моей голове, сжал плечо, щеки его были влажны, мои тоже.

– Меня только недавно перевели в Тель Ашомер для пластики лица, – сказал Иоси. – А сначала поместили в иерусалимскую Адасу лечить глаза. Я почти ничего не видел. Там и нашли меня ребята – самал и Шломо, рассказали, что были у тебя, но ты совсем плох, никого не узнаешь.

Нина, воспользовавшись паузой, проговорила:

– Мне нужно на работу.

Бесстрашно глянув на гостя, кивнула ему:

– Марк рассказывал о вас. Выздоровливайте! – и мне: – Я приду вечером.

Иоси печально смотрел ей вслед:

– Красивая у тебя жена. И чуткая: очень старалась не замечать мое уродство. Обычно я вызываю у женщин суеверный страх.

Мне не хотелось продолжать эту тему.

– Ничего, сейчас медицина делает чудеса, – обнадежил я его, удивляясь самому себе. – Будешь как новенький.

– Бэ эзрат ашем!

– Так-так... Я всегда подозревал, что ты тайно верующий. А кипа?

– Я не ношу ее. Признаюсь тебе одному: стыдно. Кипа, цицит стали чуть ли не символом обмана и лицемерия.

– И как это вяжется с твоим “капойре”?

– Понимаешь, простить можно маленьких бедных людей, которые грешат, чтобы выжить. Но не тех, кто, постигнув всю премудрость Торы, обманывают, крадут!

Я не унимался:

– Но разве не тот же твой Бог сотворил их такими?

Он склонился ко мне, словно собираясь открыть самое сокровенное, и я увидел, что огонь, опаливший лицо Иоси, как бы облагородил его: сжег то мелкое, жалкое, что было в нем когда-то:

– Я много думал об этом. Может быть, в начале времен Он хотел создать разумное существо, чтобы разделить с ним свое одиночество. Но первый человек, потом его потомки испугались могущества своего создателя и стали рабски хвалить его деяния, не возражая, не пытаясь предложить что-либо другое, пока Бог не решил, что это именно то, что нужно людям... Но так не будет вечно. Никто не знает этого лучше, чем люди простые и искренне верующие. Я слышу, как

они тайно возмущаются жадностью и непорядочностью священников, и Бог не может не слышать этого. Близится время, когда Он вырвется из лживых пут раввинов и снова станет таким, как вначале: одиноким и справедливым.

Я засмеялся:

– Да ведь это Новейший, Третий завет! Первый, ТАНАХ, был довольно удачным, со вторым, христианским вышла большая неприятность для самого автора, а теперь ты со своей крамолой... Не боишься?

– Боюсь.

Иосин истерзанный рот пытался улыбнуться:

– Ну, со мной все ясно. Ты-то что?

Я задумался.

– Не знаю. До сих пор я избегал говорить с кем-либо откровенно. Нину не хочу расстраивать, другие не поймут. А с тобой можно: мы ведь братья по крови. Мне вдруг вспомнилось, что тогда, перед взрывом, я обидел тебя. Прости! Я теперь знаю, что ты не тот, каким казался всем нам.

– Капойре! Мы с тобой оба изменились, потому что в упор увидели ее, беззубую старуху, а это не проходит даром.

– Да. Раньше я был общительным, жизнерадостным парнем, любил поговорить с друзьями, даже выпить, а теперь хочу быть один, и если мне мешают, становлюсь нетерпеливым, грубым. Ящик на стене не включаю, потому что его постоянная тема – человеческая корысть, цинизм, похоть. Я... не люблю людей! Понимаешь, там, в саду это взорвавшееся

яблоко погубило меня...

В иосиных глазах, лишенных ресниц, мелькнуло беспокойство:

– Марк, то была старая сирийская граната – так заявил самал.

– А, ты тоже не веришь мне, а я тебе верил! Помню твой рассказ о том, как в кукольном театре лопнуло яблоко Евы, набитое всякой дребеденью. Так что же, сейчас, в наше время трудно заложить взрывчатку в какой-нибудь плод?

Иоси был поражен:

– Ты меня дурачишь?

– Нет!

Я вдруг разволновался, рана под бинтами жгла, губы дрожали:

– Ты человек верующий. Неужели мои слова кажутся тебе менее правдоподобными, чем... чем... – мое возмущение вылилось в крик, от которого Иоси медленно отступал к двери, – чем то, что наши предки перешли вброд Красное море? Нет, ты такой же лицемер, как все!.. – я уже не знал, с кем и о чем я говорю, и совершенно обессилев, упал на кровать...

Вечером пришла Нина, сразу заметила мое состояние, и я, виновато отводя глаза, признался во всем.

– Надо обратиться к психиатру, – расстроилась она, – тут ведь лучшие из лучших!

– Нет, – я сказал то, что уже давно продумал. – Ты хочешь видеть меня дома? Так вот, если что-нибудь обнаружится,

меня не выпустят отсюда...

Нина не знала, что ответить. Позже я попросил ее, как делал дома перед сном:

– Почитай что-нибудь!

– Знаешь, я спешила и впопыхах взяла что-то, не глядя, – она порылась в сумке. – Лорка! А нужно бы другое, полегче.

– Нет, очень хорошо, – кивнул я. – Найди это... как оно начинается... “Хочу уснуть я...”

– Ну, самое мрачное!

– Ничего, точно под настроение. Я немного помню наизусть: “Хочу уснуть я сном осенних яблок...” Как там дальше?

Она нехотя полистала несколько страниц:

– И ускользнуть от сутолоки кладбищ,
Хочу уснуть я сном того ребенка,
Что все хотел забросить сердце в море...

– Тут идет очень страшное.

– Читай!

– Хочу забыть, как кровь томится в мертвых
И просят пить истлевшие их губы...

Нина выронила книгу.

Я кричал в нетерпении:

– Хочу забыть, как травы сердце жалят
И пьет луна змеиными губами...

– Дальше!

Слезы текли по нининым щекам:

– Вы на заре лицо мое умойте,
Чтоб муравьи мне глаз не застилали...

– Еще! – кричал я.

– Сырой водой подошвы мне смочите,
Чтоб соскользнуло жало скорпиона...

Я продолжал, глядя ее дрожащие плечи:

– Ибо хочу уснуть я, но сном осенних яблок,
И научиться плачу, что землю смоем...

Обнявшись, мы шептали в один голос:

– Ибо хочу остаться в том ребенке смутном,
Что все хотел забросить сердце в море...

Стало тихо. Ни звука не было в огромном здании.

– Теперь иди, тебе рано вставать. Вы все еще не закончили эту башню в Тель-Авиве? Утром не нужно приходить, ты не можешь быть здесь и там.

Поцеловав меня, Нина исчезла...

Ночь прошла в каком-то больном, горячечном сне, а проснувшись, я занялся единственным своим делом – ожиданием прихода Нины...

В сущности, я всегда ждал ее с тех пор, как встретил там, в стране нашей юности, где мы виделись тайком, потому что она была дочерью известного архитектора, а я только делал первые шаги на телевидение. Нину, наверное, поразила моя дерзость: прячась от всех, я снимал фильм об озере Лазурном, преступно засыпанном, чтобы на его месте возвести виллы для нашего бомонда. Сюда входила и нинина семья, и своенравная девчонка была не прочь досадить собственному отцу, который всегда смотрел свысока не только на чужих, но и на своих близких. Да и я натерпелся от ее характера. Скучая среди своих богатеньких сверстниц, она отыгрывалась на мне – могла назначить свидание на какой-нибудь заброшенной безлюдной окраине, и когда я, злой, весь в снегу или насквозь промокший от дождя, собирался, наконец, уходить, Нина возникала передо мной, невинно улыбаясь. Но в тот памятный вечер она не пришла вообще, и я решил, что с меня довольно. Мое оскорбленное эго кипело, а тело требовало сатисфакции...

Их дом был построен отцом по последнему крику зодчества: парадный вход под неотесанной глыбой камня, словно падающей на впечатлительного гостя, стеклянная, выходящая в сад гостиная с картинами импрессионистов, умело

скопированными местным художником, высокие крученые люстры, скорее затенявшие, чем освещавшие пространство.

Прокравшись по узкой тропинке за спиной хозяйки, которая как бы плавала в огромном аквариуме, я постучал в подвальное окно.

Нина растерялась, обрадовалась, помогла спуститься вниз, и я подумал, что она, наверное, очень огорчает современных родителей своей естественной и какой-то изящной простотой. Милое, светлое ее лицо ничем не напоминало холеричные физиономии Гогена, мягкая круглая шея – длинные индюшачьи горла Модильяни, а стройное спортивное тело – похотливую плоть пикассовых женщин.

– Прости, что не пришла, – без всякой неловкости сказала она. – Мне нужно срочно закончить одну деталь. Дай мне четверть часа, а?

Она повернулась к столу и продолжала лепить что-то на изогнутом металлическом каркасе, поминутно запахивая халат, слишком большой для нее, старый и весь в прорехах, отцовский, мелькнула догадка. Внезапно я почувствовал легкое головокружение от мысли, что кроме этого на ней нет ничего.

– Ну, на сегодня хватит, – вздохнула Нина, – мне только нужно переодеться.

– Зачем? – глухо сказал я. – Твой халат очень экзотичен. Может быть, я уже заслужил право видеть тебя не только через эти рваные дыры?

Она испугалась, а меня разрывали самые противоречивые чувства: еще не остывшая обида, которая толкала меня немедленно уйти, и в то же время желание ее близости – все это вдруг вылилось в горькие слова:

– Впрочем, кто я тебе? Ты можешь запросто забыть о нашей встрече, когда лепишь что-то... Кстати, что это такое, черт возьми?

Нина готова была возмутиться, но вдруг замерла, словно поняв, что давно ждала подобной вспышки.

– Это моя дипломная работа – рыцарский замок, окруженный крепостной стеной. Вот он в подлиннике, – она протянула мне книгу, раскрытую на старинном рисунке.

– А крест у ворот тоже останется? – мой взгляд задержался на Иисусе, окровавленном и поникшем. Нина рассеянно улыбалась:

– Нет, хотя мои родители будут рады любому упоминанию о том, что евреи распяли Христа.

– Римляне! – упрекнул я ее.

– Все равно. Ведь ему было страшно больно.

Но меня уже не интересовала история:

– Смотри, ты вся в гипсе, – говорил я, вытирая ее пальцы, словно измазанные мукой, и темной мукой наполнялось мое тело.

Нина, внезапно лишенная воли, пыталась продолжать свои объяснения:

– Крышу замка завершат две башенки, да, обнял я ее, до-

бавив, круглые и очень гладкие, она оседала под моими руками, а в саду будет тенистое озеро, озеро, повторил я, и, склонившись, стал целовать ее открытые колени, которые отчаянно сжались и будто окаменели, что, что, спрашивал я, она задыхалась, не знаю, что делать с ними, и я, дрожа, помог ей, впервые открыв таинственный, трепетно-беззащитный мир женщины, и замер, страхась разрушить все это своей грубой силой, милый, прошептала она, плача, не жалея меня, будь... как римлянин, и содрогнулась от моего внезапного натиска, а потом все смешалось – крик и кровь, ее и того, на кресте, и она лежала, раскинув руки, пока я распинаял ее, стыдясь своего счастья...

То была сказка, и ничто не омрачало ее – ни то, что мы должны были встречаться в подвале, ни отсутствие денег. Все теперь зависело от фестиваля в Москве, куда я послал свой фильм о нашем прекрасном, но уже несуществующем озере. Я начал снимать его давно, замороженный красотой этого места, а потом лихорадочно продолжал, почуяв, что здесь совершается неладное. Вот первые кадры: широкая водная гладь, куда горожане приходили всей семьей отдохнуть от жары, пыли и шума, нырнуть в прозрачную глубину, поймать, если удастся, юркого зеркального карпа или просто раскинуться в тени высоких тополей, роняющих мягкий пух.

Появляются титры:

Озеро “Лазурное” – территория 34 га, длина 800, ширина 400, глубина 4 метра.

Мой голос за кадром:

«Однако есть люди, которые отдыхают не здесь, а на Лаго Маджоре или Комо, возвращаясь осенью в свои дома – дома, а не виллы, как в Италии, потому что земли у нас мало. Поэтому хозяева города решили озеро засыпать, спустив воду в долину, и построить здесь тоже что-нибудь европейское».

На экране – обнажившееся дно, где корчится, судорожно хватая воздух, серебристая рыба, а в небе печально кричат утки, улетающие в лучшие края. И только пара белых влюбленных лебедей не может подняться вслед за ними. Я ловлю их камерой, но они прячутся в зарослях камыша – там их потом нашли, безжизненных, со сплетенными длинными шеями, словно они удушили друг друга...

Потом настало время бульдозеров.

Титры: бульдозер – это машина весом в 17 тонн, шириной 2480 мм, высотой 1200 мм, назначение – разработка и транспортировка грунта.

Мой голос:

«Под грунтом имелись в виду таинственные поляны среди широких кустов темно-красной малины, ручеек, бодро зовущий в неведомую даль, первобытно пахнущая трава с россыпью скромных ромашек, над которыми грозно парит мохнатый шмель – вся эта цветущая чаща, хранимая, как стражами, высокими тополями».

Титры: тополь – это дерево семейства ивовых, высота

60 м, диаметр ствола более метра, живет до 80 лет, некоторые до 150.

Мой голос:

«Впрочем, этим стражам вскоре самим понадобилась защита, потому что их тоже решено “транспортировать”, подкапав сильные заскорузлые корни, и вот они медленно склоняются, цепляясь за небо бессильными ветвями, и падают с жалобным гулом.

Только самый большой из них не поддается лесорубам, смеясь над ними серебряной листвой, пока его не связали тросом с двумя тракторами и стали тянуть вниз, как пигмеи великана, и он застонал страшно и все-таки не упал, а разорвался поперек мощного тела.

Шел вечер. Усталые люди решили окончить работу завтра, а насмерть раненое дерево, поправ свою гордость, стонало, прося избавить его от невыносимой муки. Но никто не повернул назад».

Титры: человек – это...

Мы долго искали точное определение, но не нашли и закончили фильм большой паузой.

Эта пауза разразилась телефонным звонком из Москвы: один из членов фестивального жюри, который когда-то был моим преподавателем в институте, поздравлял меня с удачным фильмом, который, к сожалению, не был отмечен призом. «Ты знаешь причину», – утешил он меня.

Впрочем, в нашем городе я стал знаменит, хотя местные

власти не простили мне моих разоблачений. Передо мной и Ниной, теперь уже моей женой, закрылось все – и моя теле-студия, и ее отчий дом, и архитектурный факультет, который она не смогла окончить. Выход был один: Израиль, странный край, поразивший меня невероятной жарой и такой же свободой, и красными, сочными, взрывающимися в лицо яблоками. И хотя взрыв этот случился много позже, когда у нас уже была работа, дом, друзья, но в искаженной моей памяти осталось не это, а последние полгода, проведенные в госпитале Тель Ашомер, среди белой пустыни простыней, беспощадных пальцев хирургов и обязательного голоса Нины: профессор Бен Яков, вы обещали посмотреть мужа!

– Что ж, обещания иногда выполняются, – строго улыбнулся тот, – и именно сегодня.

Главный хирург Бен Яков не доверял подчиненным. Обычно он мирно проходил по коридорам своего обширного владения и вдруг врвался в какую-нибудь палату, что было совершенной неожиданностью для всех, кроме его ассистентки Шош. И вот они возле моей кровати, он – большой, с развевающимися седыми волосами, она – беленькая, почти прозрачная, которую он выбрал из всех, потому что любил анекдоты о блондинках.

– Посторонних прошу удалиться! – протянула девушка, и так как она смотрела на меня, мне показалось, что посторонний – это я. Нина же и не думала уходить.

Шош подала профессору мою папку.

– Что ж, – с удовольствием сказал тот, когда бинты были сняты – мне и смотреть нечего: моя работа, я знаю здесь каждый миллиметр. – Его широкая рука как-то по собственнически касалась моего черепа. – Дело идет на лад. Швы сошлись прекрасно. Ну, а что нам говорят последние снимки? Все очень чисто, поздравляю нас обоих. Я думаю, вас пора выписывать.

Он был очень доволен:

– Знаете, успех операции заложен в пальцах хирурга. Они должны быть сильными и чуткими, как у хорошего виолончелиста. Помните “Элегию” Маснэ: А-а-а, а-а, а-а-а, – пробасил он, но заметив, что ассистентка уже разложила какие-то бумаги, перешел к прозе:

– Итак, пиши: внешняя ткань выглядит совершенно здоровой...

Тут в дверь заглянула большая толстая эфиопка и, стараясь быть незамеченной насколько это было возможно при ее габаритах, покатила к дверям тележку с остатками завтрака.

– А яблоко? – добродушно попенял ей врач. – Оно совсем нетронутое. Да это самое полезное из всего, чем здесь кормят!

Он засмеялся, а меня охватил озноб, когда красный сочный ионатан плавно скатился из руки санитарки в мою онемевшую ладонь.

– Продолжим, – Бен-Яков вернулся к медицинскому заключению, – швы зажили, зажили, повторяла девушка и в

тоже время исподволь наблюдала за мной, а я весь дрожал, обжигаясь этим проклятым яблоком, профессор, тихо сказала ассистентка, обратите внимание на пациента, не отвлекайтесь, одернул ее тот, рана на снимках почти не заметна, Нина, помоги мне, беззвучно кричал я, медленно погружаясь в какую-то темную пропасть, и она, все видя и понимая, в отчаянии толкнула стакан, стоящий на столе, вода выплеснулась на белый лист бумаги, ах, боже мой, воскликнул Бен Яков, какие только анекдоты не слышишь о блондинках и все удивляешься, Шош вытирала глаза и стол, яблоко между тем покатилося на пол...

– Ладно, – успокоил ассистентку отходчивый профессор, – потом перепишешь и принесешь мне.

Глянув на меня, Бен-Яков проговорил:

– Я вижу, вы расстроены, молодой человек? Успокойтесь, это займет еще денек-другой.

Оба они, как и в начале визита, бесшумно проплыли мимо, а огорченная Шош еще раз кинула в мою сторону тревожный взгляд, словно не в силах отрешиться от какой-то странной мысли...

Опустошенный, я рухнул на кровать.

– Так вот что чувствуют преступники! – мрачно проговорила Нина...

Назавтра она уже была в другом настроении.

– Мне позвонили, что тебя выписывают! – крикнула она с порога.

Потом в дверях появился высокий, плечистый парень.

– Машина будет у выхода, – улыбаясь Нине, сказал он, и я вдруг понял, что она, наверное, очень хороша, моя жена, но понял это умом, а не сердцем. Незнакомец кивнул мне и отступил в коридор.

– Наш новый сосед, Сергей, – пояснила Нина, помогая мне одеться. – Он иногда подвозит меня. Ты ведь знаешь, наше старенькое ”Пежо” очень капризно.

– Подвозит? – с неожиданной для нас обоих грубостью спросил я. – Так это теперь называется?

Ее светло-бирюзовые глаза потемнели:

– Раньше ты не унижал меня подобными намеками!

– Прости. Мне плохо и больно. Врачи говорят, что все в порядке, но что-то еще должно рассосаться в мозгу. А пока... Посмотри на мой жалкий череп бедного Иорика. Что мне делать среди сильных здоровых людей, вроде этого Сергея?

– Милый, ты недооцениваешь себя – например, твои черные выпуклые библейские глаза над классическим носом? Откуда этот нос римского патриция у кишиневского еврея? Но главное твое достоинство, – ее губы целовали повязку на моей голове, – то, что я люблю тебя!

– Надеюсь. Но знаешь, любовь очень молодое чувство, ему всего каких-нибудь десять тысяч лет, а нашим инстинктам – миллион, они много сильнее любви. Я читал где-то, что женщина чисто физиологически страдает от незаполненно-

сти своего вакуума, и тут всякий мужчина хорош вместо того, кто полгода не бывает дома.

Она горестно всплеснула руками.

– Господи, что случилось с тобой за время, что тебя держат здесь! Ты был славным романтичным парнем. Откуда этот цинизм и злость?

– Наверное, от постоянной боли и страха перед будущим, от мысли, что у тебя кто-то может быть... хотя... как говорят теперь... это только секс, правда? – меня вдруг пронзила странная неприязнь к ней. – Нет, я не поеду с вами!

– Как же ты доберешься домой?

– На такси. Когда-то я умел хорошо это делать.

Она потерянно молчала. Потом:

– Ты всегда занят собой. А я? Догадываешься ли ты о том, что мне тоже тяжело? Ведь я совсем одинока здесь, среди твоих соотечественников, допускаю – хороших людей, но таких суетливых, издерганных, неуверенных ни в чем в этой маленькой, сжатой до взрыва стране. А я истосковалась по широким просторам, безмятежным, мечтательно ленивым. И Сергей – открытый, простой, под стать этому.

– Что ж, можешь взять его себе! Терпеть не могу простых. Они живут как амёбы и, наверное, размножаются делением. А ты, кажется, предпочитаешь другой способ размножения!

Ее глаза готовы были излиться слезами. Но прежде она дрожащими пальцами вынула из сумочки деньги, ключ и положила на стол:

– Иди...

И вот я, наконец, в своей комнате, окруженный строгим и скромным уютом: старые кружевные занавеси на окне – подарок матери, не поехавшей с нами из-за парализованного деда, на стене – копия картины Энгра: Наполеон с мягкой ямочкой на жестоком подбородке – мой смертный грех, ибо сказано: не сотвори себе кумира, кресло-качалка, убаюкивающее меня бессонной ночью, как детская люлька, и единственная роскошь за стеклом шкафа – слегка побитая китайская чашка, которую мы нашли среди всевозможного хлама на рынке. Чутье не обмануло меня: когда мы очистили ее от грязи, отмыли и налили чай, сквозь голубую эмаль прошли и медленно поплыли серебряные рыбки.

Но главное богатство было на длинных свежеструганных досках, еще пахнущих лесом – книги, мудрые, лукавые, циничные, смешные, печальные – они закрывали всю стену, выходящую на улицу, не давая проникнуть сюда шуму машин и людской глупости.

– В сущности, – сказал как-то Саша, – эти спрессованные человеческие мысли защищают тебя от внешнего мира надежнее, чем обожженные кирпичи.

И мне немедленно захотелось поговорить с ним.

– Хорошо, что позвонил, – без малейшего удивления сказал он. – У меня тут возникла кое-какая мыслишка после нашей беседы (мы говорили с ним последний раз не менее полугода назад, но время у него было другое). Так вот, я по-

нял, что противоречия между наукой и религией не так значительны, как принято думать. Например, мы с тобой считаем, что Вселенная возникла из сгустка материи. На вопрос, откуда взялся этот сгусток, ученые отвечают: он существовал всегда. И верующие, когда спрашивают своего рабби: Бог, создавший все Мироздание, как возник Он сам? – получают тот же ответ: он был всегда.

– Интересно, – сказал я.

– И только-то? – съязвил он. – Раньше ты воспринимал мои сентенции с б'ольшим энтузиазмом.

Мне стало неловко:

– Прости, я... нездоров.

– Да, я знаю.

– Знаешь?

– Нина звонила.

Я помолчал.

– И что ты думаешь об этом, Саша?

Я ожидал, что он, как всегда, скажет что-нибудь особенное, и все же был поражен, когда услышал:

– Завидую тебе.

– Вот как! – вырвалось у меня.

– Да! Нормальные люди так банальны, ограничены... И я среди них.

– Ну, уж о тебе этого не скажешь!

– Так и я думал когда-то. А потом понял, что лыщу себе... Однажды душной летней ночью я вышел из дома вдохнуть

свежий воздух и вдруг увидел необычное мерцание неба. Оно словно говорило мне что-то, и тогда я ощутил, что все вокруг – и луна, и звезды, и падающие осколки метеоритов – скрывают какую-то важную тайну, может быть, смысл нашего бытия. Я весь напрягся, как струна прежде, чем музыкант наполнит ее звуком, сейчас, сейчас, горело в мозгу, я узнаю самое главное, и в то же время чувствовал: чего-то не хватает мне, чтобы понять все до конца! И тут это острое мгновение прошло, пропало. А я, повзрослев, в какую-то горькую минуту понял, чего мне не хватало тогда – капли безумия, да! – той, что помогла знаменитому Джону Нэшу проникнуть сквозь границу нашего трезвого мира в другой, твой мир, Марк!

В телефоне установилась тишина.

Я ясно представил себе Сашину физиономию. Высоколобый, с запавшими всепонимающими глазами и длинным язвительным носом, он казался похожим на Вольтера – в семитском варианте. Не только внешне. Идеи, которые билась в его бездонном черепе, могли прояснить многое из еще непознанного, живи он в прекрасном Ферне, а не в Офаким, где кончается цивилизация и начинается пустыня.

– Да, – продолжал Саша. – Так я остался среди тех, кто уверен, что дважды два всегда четыре. Осужден на пожизненную нормальность! Днем сижу в конторе против унылого компьютера, а вечером наблюдаю, как мои соседи считают деньги, вырученные от продажи овощей. Скука смертная...

Но тебе это не грозит, Марк! Ты можешь проводить время с удивительными людьми – например, с таинственным Гоголем, который, как говорили, общался с Сатаной и поэтому пережил собственную смерть, с непостижимым Врубелем, чей мозг был изломан острыми блестящими кристаллами, а там, выше, ты встретишь самых светлых безумцев: Авраама, готового убить собственного сына по слову невидимого бога, или Христа, призывающего темную невежественную толпу любить врагов наших и благословлять проклиняющих нас...

Саша усмехнулся, – так я понял по странному звуку, доносившемуся до меня.

– Послушай, Марк, а у тебя это не заразное? Я бы подскокил к тебе, чтобы поговорить по душам, как бывало, и проникнуться твоей сумасшедшинкой. И вот, представь, мы уже другие. Кто мы? Может быть, Дон Кехана с верным Санчо Панса? Мы вместе преследуем зло, бьем мерзавцев, прячущихся за ветряными мельницами и в бурдюках с красным вином – вот счастье-то, верно? – почти кричал Саша, а я слушал его, и слезы текли у меня по щекам...

Он, очевидно, почувствовал мое состояние:

– Что-нибудь не так?

– Ничего, ничего, – шептал я, – все так...

– Ну, и ладно. Вот мы и выяснили кое-что. – Чувствовалось, что он очень устал. – И помни: мой телефон остался прежним.

Он положил трубку, и я, признаться, облегченно вздох-

нул, потому что мне все труднее было понимать его слова. А может быть, это была своеобразная, как всё у него, попытка выразить свое сочувствие?..

Тут дверь задрожала от мощных ударов. Боже мой, это были Дов и Довалэ!

– Ну, солдат! – набросились они на меня, хорошо отбивая бока. – Так ты в порядке! Мы ведь сразу примчались к тебе в Тель Ашомер, но ты никого не узнавал, сукин сын. Решили, что тебе хана, а ты вон какой, только похудел сильно.

– Я ничего. А у вас что? Много работы?

– Да все рутина. Хотя иногда бывает кое-что интересное. Давай расскажем ему о Гвинее, а Довалэ?

– Гвиане! – поправил тот. – Ты умрешь со смеху, – они уже похохатывали, – я в жизни никогда так не смеялся. Думал, меня хватит удар.

– Да в чем было дело? – нетерпеливо спрашивал я.

– Понимаешь, месяца три назад приезжает в страну президент Гвинеи.

– Гвианы, – перебил Довалэ.

– Ну, бросьте вы, дальше!

Тут Довалэ глянул на часы:

– Господи, да нам пора обратно!

– А как же Гвинея?

– Гвиана! В другой раз.

– Друзья, это не честно! Словно соблазнить девушку и убежать.

– Что ж, старина, главное работа. Хотя знаешь что? Едем с нами, по дороге и узнаешь. Да и ребят увидишь!

Я растерялся:

– Ну, так сразу!

– Ты хочешь услышать эту историю или нет? Одевайся!

– А моя рана? Не хочется людей пугать.

– У тебя есть шляпа. Где она?

Они быстро напялили на меня свитер, шляпу, и вот мы уже в машине.

– Ты будешь вести? – спросил Довалэ приятеля и повернулся ко мне. – Значит так. Приезжает к нам президент Гвианы.

– Гвинеи!

– Ладно. Вся наша верхушка присутствует в аэропорту. Как водится, красный ковер, цветы, оркестр. Подкатывают лестницу, и выходит такой плюгавый заморыш с лентой через плечо. Играют гимн Гвинеи. Доволен? – спрашивает он Дова. – Наши обнимают его, подводят к трибуне, тот берет микрофон и начинает говорить... Марк, держись за кресло, ты сейчас упадешь – на идиш!

– Не может быть! – ахнул я. – Почему?

– Это, наверное, единственный чужой язык, который он знал. Ну, все наши бонзы стоят пунцовые, потому что никто ничего не понимает, кроме, может быть, Переса. А у нас в аппаратной все чуть не плачут от смеха. Наконец, директор, который тоже был с нами, кричит:

– Снимайте это к черту!

Режиссер переходит с аэродрома на студию, где сидит диктор с выпученными глазами, который вдруг говорит:

– Эйпцехун а майнсэ!

Мы в машине все тряслись от хохота, и Дов чуть не задал охранника в воротах студии.

В коридоре было тихо, прохладно. Все, как положено в обеденный перерыв, толпились в буфете. Но слух о моем прибытии заставил всех позабыть о еде:

– А, герой!

Мужчины нещадно били меня по спине, требовали померить шляпу, женщины, глядя на мои бинты, охали и ахали. Главный оператор обрадовался: молодец, что прибыл, у нас людей не хватает, половина в отпуске. Я так и сказал Дову и Довалэ: если он в порядке, притащите его правдами и неправдами.

Эти слова показались мне странными, и я спросил:

– Скажи, когда приезжал в страну президент Гвинеи?

– Гвинеи?

– Или Гвианы.

– Не знаю, я долго был заграницей.

– “Сукины дети”! – подумал я, впрочем, совершенно беззлобно.

Тут появилась Лина, секретарь директора.

– Марк, Марк, звонила твоя жена, напомнила, что тебе нужно принять лекарство ровно в час.

– Ладно, – нахмурился я.

– Нет, она требовала, чтобы кто-нибудь присутствовал при этом. Меня на месте не было, и она говорила все это Самому, представляешь? Ну-ка, давай!

Раздосадованный, я достал из кармана таблетку и проглотил под общий смех.

Когда все разошлись, главный сказал:

– Вот что, для начала можешь поработать в малой студии. Там, как всегда, очень просто – учебная программа.

Я сразу разволновался: снова стоять за камерой, пробовать фокус, диафрагму, зум. Ну, ничего, попробуем. Передомной – большой террариум со всевозможными гадами, ящерицами, лягушками.

– Марк, барух аба! – звучит в наушниках голос Илана, режиссера. – Нужно добавить несколько крупных планов к передаче, которую мы записали вчера. Будь начеку, если увидишь, что какой-нибудь похотливый самец влезает на самку, уходи в сторону, не дай им леиздаен в кадре (на иврите это звучит не так грубо, как на русском).

Я слышу, что Рита, редактор, говорит ему, смеясь:

– Ты полегче, Марк очень деликатен.

– Был, – замечаю я в микрофон.

Мы долго возились с пресмыкающимися, снимая их не очень симпатичные морды в профиль и в анфас. И было мгновение, когда мне показалось, что одно из этих чудищ... не животное, а... мне стало страшно... я не мог найти нуж-

ную диафрагму... Но тут, к счастью, запись окончилась, а я сидел, опустошенный, закрыв глаза, пока не очнулся от знакомого голоса:

– Марк!

Это была Нина.

– Я говорил, что он здесь! – сказал Дов.

Мы вышли в коридор, и меня чуть не сбила тележка с огромным фонарем, которую везли два осветителя.

– Марк! – окликнул меня один из них. – Ты ведь фронтовик, скажи этому тембелю, правда, что левые проиграли войну в Йом Кипур?

– Правда, – кивнул я.

Другой возразил:

– Брось! Только последний тембель не знает, что правые отдали Азу арабам. Верно, Марк?

Я с удовольствием включился в этот вечный спор:

– Верно!

Оба возмущенно глянули на меня и гаркнули в один голос:

– Тембель!

Я потянул Нину во двор, и когда мы выехали из ворот, дорогу нам перешел сильный, кражистый человек. Внезапно меня словно ударило что-то в сердце. Смуглое лицо этого человека ничем особым не выделялось, но я узнал его – болью моей раны, кровью, вылитой из моих вен, собственной нынешней неполноценностью. Я знал: это он.

– Наш садовник, – сказал охранник, перехватив мой взгляд.

– Эй! – закричал я, выходя из машины.

Тот остановился. Я никак не мог вспомнить его имя. Уни-
мая дрожь во всем теле, спросил:

– Узнаешь меня?

Он никак не реагировал на мой вопрос.

– Это ты был там, на Голанах!

– Я?

– Ты! Из-за тебя покалечило меня и моего друга!

Выражение неприязни исказило его до сих пор спокойную
физиономию.

– Ерунда это! – он двинулся дальше. – Халас!

– Жеребчинский! – приветствовал меня кто-то из прохо-
дящих коллег... или то был наш самал... и вдруг все по-
плыло перед моими глазами, я увидел среди густых деревьев
парня в куфие, который нес корзину с яблоками и не сводил
с меня ненавидящего взгляда...

– Стой! – вырвался у меня отчаянный крик. – Ты никуда
не уйдешь!

Кинувшись к нему, я стал заламывать ему руки назад, он
сопротивлялся, Нина отрывала меня от него, собравшиеся
люди кричали, суется, пока всех не остановила пронзитель-
ная сирена. Двое дюжих полицейских быстро разняли нас,
старший начал писать донесение, но узнав, что я инвалид
войны, велел Нине немедленно везти меня к врачу...

И круг замкнулся...

Я снова в больнице, оглушенный всевозможными препаратами и процедурами, из которых самое эффективное – Нина, утром, днем и вечером.

Здесь мало что напоминает Тель Ашомер – очень тихо, пациенты большую часть времени проводят в палатах. Вокруг разбит прекрасный сад, но по ухоженным аллеям бродят редкие больные, очевидно, те, кому доверяют быть одними. Обычно они шепчут что-то сами себе, разводят руками, и почти не общаются с другими.

Иногда санитары выводят гулять странного приземистого человека, который делает не очень приличные жесты, и у меня мелькает невероятная мысль, что это... тот оскандалившийся министр, которого осудили за изнасилование сотрудницы и, говорят, когда объявили приговор, он помешался в рассудке.

Чаше других появляется маленькая рыжая женщина, которая останавливает проходящих мимо и настойчиво спрашивает их о чем-то, но, не дождавшись ответа, идет дальше. Потом она вдруг останавливается и растерянно смотрит вокруг, словно желая вспомнить, что привело ее сюда.

Я тоже замечаю, что мое прошлое становится все меньше понятным мне, хотя редкие посетители иногда напоминают о том, что было.

Как-то явился следователь из военной прокуратуры в сопровождении усатого, очень любезного и многословного

доктора Минковского. Майор с черной повязкой на левом глазу был подчеркнуто официален.

– Вынужден побеспокоить вас, – сказал мне гость. – До сих пор врачи не позволяли нам расспросить вас о взрыве в вашей части, но после недавней стычки с арабом возникла срочная необходимость прояснить некоторые детали. Ведь эти два факта связаны, правда?

– Муж считает, – вмешалась Нина, – что это и есть тот, из-за которого был взрыв на Голанах.

Офицер нахмурился:

– Простите, я бы предпочел свидетельство от первого лица, – он повернулся ко мне. – Как вы сами видите то, что было там?

Я порылся в памяти:

– Да, вспоминаю... хотя не совсем отчетливо... яблоневый сад... очень красивый...

– И? – подбадривал меня майор.

Я смущенно улыбался.

Минковский пояснил:

– Действие барбитуратов.

– Кстати, – напомнила Нина, – у тебя еще сегодня углеводородная ванна!

Майор отвел врача к окну, но краем уха я слышал их разговор:

– Нельзя ли прекратить лечение на несколько дней?

– Нет. Пациент начал цикл новых процедур для подавле-

ния агрессии, источник которой – тот пресловутый взрыв. А вы хотите все вернуть обратно. – Минковский нервно тербил седые усы. – Самое опасное – направлять его и без того неуравновешенную психику в разные стороны.

– Черт возьми! – майор хотел сказать что-то покрепче, но осекся и только поправил черную повязку.

Они коротко попрощались с нами. Проходя мимо, следовательно кинул на меня острый испытывающий взгляд в котором, казалось, участвовал и тот, закрытый глаз, и там была досада, пренебрежение... насмешка! Лицо мое вспыхнуло как от пощечины. На мгновение, невероятным усилием воли мне удалось разорвать туман, окружавший меня, и я увидел бескрайнее синее небо и легко плавающие облака, чудесный сад с сочными красными плодами – и его, его, погубившего меня и всю эту красоту.

– Пойдите!

Дрожа, я всматривался куда-то в зыбкую даль:

– Он был смуглый, черноволосый... нет, не помню... больше не помню!.. – в отчаянии бормотал я, глаза мои были полны слез.

Нина, обняв меня, успокаивала шепотом.

Гости вышли, и мы остались, наконец, одни в моем новом жилище...

Мне, как инвалиду армии, выделили на время лечения небольшую комнату в дальнем корпусе, окруженном старыми елями. Нина сделала все, чтобы я чувствовал себя здесь

как дома: принесла любимые книги, китайскую чашку, где в горячем чае плавают серебряные рыбки, и, конечно, портрет Наполеона с мягкой ямочкой на жестоком подбородке. Когда я прибивал тяжелую раму к стене, рискуя упасть с шаткой табуретки, слабый хрупкий голос донесся ко мне через окно.

– Вы художник?

Я увидел маленькую рыжую женщину.

– Нет.

– Я ищу художника, очень известного, – она говорила короткими, как бы затихающими фразами. – Он пошел в тюрьму. К бандиту. Тот убил несколько человек. И мою дочку тоже. Так вот, этот художник... принес ему в подарок свою лучшую картину. Понимаете, я хочу найти его... чтобы спросить, – она заплакала, – почему он сделал это?

Устало прикрыв выцветшие безнадёжные глаза, женщина пошла прочь по узкой дорожке. Ошеломленный, я долго смотрел ей вслед и думал о том, что, наверно, она спрашивает об этом каждого встречного, не ожидая ответа.

Однажды, когда я сидел на скамейке, наслаждаясь прекрасным днем, она остановилась рядом и, глянув мне в глаза, сказала тихо:

– А ты тоже не очень счастлив!

Ее холодная узкая ладонь легла на мою и потянула за собой. Мы пошли по аллее, молча, рука в руке, и сделав круг, вернулись к нашему дому. Тогда я увидел в окне Нину, грустную и как бы застывшую в своем одиночестве. Но она тут же

очнулась и позвала сдавленным голосом:

– Друзья, поднимайтесь, я вареники приготовила! Вкусные!

Вареники были действительно хороши...

А по субботам у нас с Ниной праздничный стол: вино, рыба, печенье, – все совершенно кошерное, что трудно ожидать от женщины из русской семьи. Пообедав, я весь отдаюсь ощущению покоя и довольства. Сажу у радиоприемника, слушаю музыку, хотя уже не могу вспомнить, что играют.

Внезапный шум с улицы заглушает все.

– Что-то случилось! – подбежав к телевизору, Нина включает Новости, и мы видим дым, мечущихся в панике людей, полицейских, которые ведут какого-то смуглого человека в наручниках.

– Боже мой, Марк, это садовник!

– Что? – кричу я. – Да, да! Это он! Я вспомнил, его зовут Исмаил, гада!

Видя, как я разволновался, Нина отворачивает экран к стене и усаживает меня в кресло. Я долго качаюсь вперед-назад, стараясь успокоить себя. Потом говорю тихо:

– Значит, с этим покончено...

Я выпиваю рюмку вина.

– Нина, почему у нас на столе никогда нет яблок?

Засмеявшись, она кидается в кухню и приносит несколько красных ионатанов, которые тайно хранит в углу. Мои зубы сами впиваются в спелый, нежно округлый плод:

– Ну чем не ананас? Знаешь, такие яблоки росли в большом саду, возле нашей части на Голанах.

Глаза Нины блестят чистой бирюзой.

Улыбаясь, я выпиваю еще вина:

– А ты все хорошеешь. Прости, что не замечал этого. Я был болен, правда? Но теперь это, кажется, проходит. Как сказано: мне отмщение...

Из радио доносится знакомая трогательная мелодия, и сердце мое учащенно бьется:

– Я знаю, что это! Шопен, ноктюрн до-диез минор. Мама играла его, ожидая отца. Это как жизнь: сладко и больно... Пам пам-пам-пам... Чувствуешь?.. Пам-пам-пам...

Кто мы, откуда мы, куда идем...

Дине

Глава 1

Николай Николаевич Лугин только теперь оценил грубоватую настойчивость, с какой начальник аэропорта пересаживал их в вертолет, уверяя, что ехать далеко, а дороги здесь ненадежные – леса и топь.

Деревня, к которой они приближались, поднималась от реки к крутому холму, и дома топорщились ветхой чешуей крыш, словно стояли с тех пор, как живые существа стали выходить на сушу и строить свои жилища.

Было неразумно прерывать отпуск и лететь сюда за тридевять земель только потому, что племянница жены, единственная из ее оставшихся в живых родственников, неожиданно объявила о своей свадьбе, что при ее наружности казалось делом нешуточным. Коллеги, с которыми он вместе отдыхал на уединенной, закрытой и как бы не существующей для остального мира даче, легко попеняли ему за внезапный отъезд. Он был нелюбопытной загадкой для них, как, впрочем, и его ведомство, связанное с какой-то новой отраслью в электронике и далекое от их торных путей. Но что-то в нем – может быть, природная раскованность в плечах, несуетливый взгляд и лоб, вылепленный единым, широким и смелым движением, настораживало их, как встреча с человеком другой породы.

Вертолет снижался.

Алла Георгиевна утирала слезу, не забывая, впрочем, о своей прическе, бормотала что-то и стучала в стекло, узнав Дашу. Сразу же погасла его наивная надежда на то, что прибытие генерала по сугубо личной надобности пройдет незамеченным. Внизу уже переминались какие-то сметливые и наскоро приодетые люди, которые пусть и не принимали раньше столь важного гостя, но, так сказать, априорно обладали необходимым знанием того, что можно в таких случаях и чего нельзя.

Одна лишь Ольга находила удовольствие во всей этой суете, смеялась и требовала от отца, чтобы их спустили по лестнице прямо на головы встречающих.

Пилот нервничал, отводя шепотом душу, но улыбка сопровождающего их уверенного и молчаливого спутника поставила все на свои места.

Винт еще сучил лопастями, когда Николай Николаевич спустился на землю, помахивая, как водится, рукой.

Приветствия, незначащие вопросы.

Жена уже присосалась к рябому дашиному лицу, и Лугин, воспользовавшись заминкой, быстро пожал ладонь племянницы и отскочил в сторону, так как с детства чувствовал суеверный страх перед безобразием женщины. Тут же маялся и будущий супруг, тщедушный, белобрысый, но, верно, незаурядный парень, как решил в сердцах Николай Николаевич, еще раз оглянувшись на невесту.

Он отказался от машины, и их повели вдоль заборов,

поражавших своим разнообразием – мимо простодушных плетней, хитрых частоколов и настороженных бревенчатых оград. Они строились здесь с неиссякаемым упорством и выдумкой, и все напрасно: заборы могли скрыть человека, но не его характер.

Дом свекра, где молодым предстояло жить, был о трех невысоких комнатах, и в них открывался скудный уют матово беленых стен, мерцающих поставцов и сухих трехгранных стеблей пушицы в рожках. А заветный угол колол темным пятном, невосполнимым местом бога, спрятанного подальше от трезвых глаз приезжих.

Николай Николаевич глянул в окно и задумался, едва слышая смех и шепот за тонкой стеной и несвязный племянницын рассказ о том, как она после учебы была послана сюда, к рыбному делу, да вот встретила Степана и осталась.

– Ах, тетечка Алла, – протяжно говорила она, разглядывая подарки и всхлипывая счастливыми бабьими слезами, – тетечка Алла!

И Лугину вдруг стало тошно своих чинов и его невесть откуда взявшегося барства перед этими людьми и несытно кормившей их рекой, и землей, которая лежала в покорной и сирой наготе...

Свадьбу решено было справить в клубе, единственном кирпичном здании, чей потолок, однако, подпирался полудюжиной деревянных колонн, очевидно, от непреодолимого недоверия к камню.

Вечерело.

Еще привыкали к гитаре чьи-то натруженные пальцы, и женщины пока оттаскивали мужей от зеленых четвертей, а на пороге стояли молодые, привечая, кланялись гостям.

Тучный женихов отец усаживал всех по суровой, ему одному ведомой иерархии, и, конечно же, во главу стола Лугиных и председателя артели Фрола Евсеевича, сухого лысого старичка, что донимал генерала вопросами об армии, о политике, строго говоря, ему “ты” и не улыбаясь.

В стороне поставлен был большой чан с живыми лососями, которых вскоре надлежало приготовить по тайному дедовскому рецепту с приправой из злой и пахучей ягоды. Три горбатых темно-красных дьявола кружили и били хвостами в железное дно, как в тамтам, чтобы передать миру свою тревогу и нежелание умирать.

И призыв их не пропал даром.

Парень, который только что вошел в зал и склонился над мятущейся рыбой, был крепок, темноволос и сероглаз. Председатель тотчас почуял неладное и окликнул его:

– Сергей, ты что?

Тот, презрев свой новый костюм и белую рубаху, сильным движением выхватил из воды полуметровую горбушу и проговорил счастливо:

– Ишь, какой красавец! Да это, Фрол Евсеич, из тех, что мы отлавливали вместе.

Он еще поколдовал над чаном, затем натужливо оторвал

его от пола и, занятый какими-то своими светлыми мыслями, направился к выходу. Досадливо крякнув, председатель засеменил за ним следом, догнал и кинул холодный взгляд назад:

– Не видишь, что ли?

– Ну нет, не для того мы их выращивали, чтобы они, не дав потомства, попали на стол к дорогим гостям.

Наступила тишина.

Ах, отчего это, когда судьба действительно стучится в нашу дверь, о ее приходе не предупреждают четыре глубоких классических аккорда? Взял бы тогда Николай Николаевич жену и дочь и, наскоро простившись, тут же и укатил бы в Москву, к привычной, утоптанной жизни.

Вместо этого он решительно поднялся и, подойдя к спорившим, запротестовал:

– Позвольте... Если это ради нас... Нет, нет, ни в коем случае!

Фрол Евсеевич, рыбачивший пятьдесят лет, расставил руки, словно невод, и стал хитро уводить генерала в сторону, тот не давался и только краснел, боясь рассердиться и сказать что-нибудь резкое, о чем обязательно пожалеет, а тем временем Сергей двинулся со своей ношей вперед и исчез.

И это мальчишеское бегство вдруг придало всему происшествию незлобивый оттенок комичности, которую Лугин, к своей чести, оценил первым и засмеялся...

И вот пришла пора забыть все неурядицы и выпить здоро-

вье новобрачных, пошутить, поперхнувшись простым словом, и снова пить и есть, находя во всем одно лишь горькое, чтобы молодые целовались, черт возьми, узнавая за губами чужое еще, нетерпеливое тело.

Возвратился и Сергей, ведомый дружкой жениха, принял штрафную под укоризненным взглядом своего начальства, закусил грибом и заскучал без дела. Тут рядом с Ольгой оказался свободный стул, он сел, с явным удовольствием глядя на ее пепельные, стриженные в капризную минуту волосы и в широкие зрачки, от которых взметались золотистые всполохи, как протуберанцы от затемненного солнца.

– Ловко вы все это провернули, – улыбнулась девушка.

Сергей, не ожидавший, что она заговорит с ним, ответил, чуть запинаясь:

– Ну, дело не в ловкости... Просто мне всегда все удастся.

Он потер подбородок, который перерезала наивная ложбинка, не вяжущаяся с его упрямой массивностью:

– А знаете, в чем секрет? Не нужно кривить душой, вот и все. Люди так привыкли идти в обход, что теряются, когда видят, что кто-то открыто делает то, что решил.

– Это что-то новое, – снисходительно кивнула Ольга. – И что же, шуку бросили в реку?

Сергей прищурился:

– Любите басни?

Он налил себе водки, выпил, поморщась, потом спохватился и наполнил ее рюмку.

– Хотите?

Ее влажные губы дрогнули, как бы сведенные оскоминой.

– И ладно.

Он не отводил от нее мягкого задумчивого взгляда.

– Вот и вы такая же. Небось, скучно вам, а улыбаетесь для приличия. А что, если мы сейчас, вот с этой минуты начнем говорить только то, что думаем. Хотите?

– Не знаю, – вздохнула она, – это уж очень по-детски.

– А хоть и так. Ничего, не обижусь. Я вчера булку домой нес, а навстречу малыш с матерью. Он ко мне: “Дядя, дай ку-сочек!” Здорово так сказал, спокойно и просто. Как тут мамаша его при всем народе отчитала! Срам, говорит, какой! Совсем дите от рук отбилось! И вот вырастет этот ребенок большим и, помирая с голоду, будет отнекиваться и кривляться, а потом сделает вид, что ест только чтобы никого не обидеть. Монсенс!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.